УДК 1(091):316:316.3:008 DOI: 10.24151/2409-1073-2020-1-83-90

Социальная философия Ф. Суаресаи и Ж. Бодена: идейный транзит к политике и праву Нового времени

Н.Н. Равочкин

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Описывается репрезентация транзита идей политики и права от Ренессанса к Новому времени посредством обращения к социально-философским концепциям Ф. Суареса и Ж. Бодена. Анализ теорий обнаруживает идеи общественного договора и естественного права, разработка которых выведет Европу на новый уровень социально-экономического развития. Утверждается, что отказ от средневековых религиозно окрашенных постулатов позволяет найти связь с первообразами современных политико-правовых институтов, созданными в Новое время. Отмечается прикладной характер идейно-ориентированных исследований.

Ключевые слова: идеи, социум, политика, право, власть, Новое время, Ренессанс, институты, Суарес, Боден.

F. Suarez and J. Boden social philosophy: ideological transit to modern politics and law

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The author describes the representation of the transit of ideas of politics and law from the Renaissance to the Modern Period through an appeal to the socio-philosophical concepts of F. Suarez and J. Boden. Theories analysis reveals social contract and natural law ideas development of which will bring Europe to a new level of socio-economic development. It is argued that the medieval religiously painted postulates rejection allows us to find a connection with modern political and legal institutions prototypes which are created in the Modern Period. The applied nature of ideologically-oriented research is noted.

Keywords: ideas, society, politics, law, power, Modern Period, Renaissance, institutions, Suarez, Boden.

Философия выступает формой теоретико-прикладного освоения действительности, опираясь на категориальный аппарат, вобравший в себя все богатство истории человеческого мышления. Философские идеи лежат в основе социальных явлений, поэтому справедливо характеризовать их как «многогранные» в части своего приложения.

Практическая составляющая философии как высшей формы мировоззрения указывает, что именно она детерминирует тип общественного уклада, что подтверждает очевидность важности идей в социальных преобразованиях. Именно идеи становятся методологическим основанием и инструментом при формировании институционального

порядка, ведущее место в котором отводится политико-правовой сфере. Именно политика и право служат для легитимации режимов, и форм государственного управления, а сами они вычленяются и занимают отчетливое место в предлагаемом государством идейном «меню» в зависимости от аксиологических предпочтений и ожиданий населения.

Согласно ранее обозначенному механизму формирования идей, они реализуются в определенное время и в конкретных географических рамках, для чего необходимо характеризовать выбранный нами период и регион. Однако интересующая нас нововременная институциональная среда, являющаяся прототипом сегодняшних политико-правовых структур, имела вполне конкретные идейные предпосылки, поскольку институты не появляются из ниоткуда, но лишь сменяют менее эффективные социальные установления. Таким образом, в настоящей работе нами будет рассмотрен так называемый «предпосылочный» этап (эпоха Ренессанса), связанный с идеями предшественников социальных философов Нового времени.

Напомним, что в Средневековье на Западе личность мыслилась и определялась на основании ее принадлежности к определенной группе: семье, роду, общности и т.д. В свою очередь в эпоху Ренессанса состоялся своего рода «второй антропологический поворот», в результате которого идеи европейского гуманизма установили принцип индивидуализма, обосновывали и защищали права и свободы человека, который теперь фактически стал духовно независим от любых внешних авторитетов: Бога, церквей и высших слоев населения, получивших свой статус не за свои поступки, а по наследству.

В то же время Возрождение было достаточно элитарным периодом, поскольку его деятелей, в отличие от большинства представителей восточной интеллектуальной традиции, интересовал не человек в целом с его будничными потребностями, но личность в контексте мирового космоса, способная творить историю. Вместе с тем отметим, что гуманисты ориентировались на неординарные и творческие личности, поскольку сами были такими, а их идеи, такие, как, например, индивидуализм, тогда еще не обрели статус «всенародного достояния» по причине своего непроявления в повседневной жизни большинства европейцев. Именно Ренессанс обозначает переходный этап интеллектуальных поисков от Средневековья к Модерну, предлагая новые модели и стандарты политико-правовых идеалов. В этом контексте особенно ценно рассмотреть учения Ж. Бодена и Ф. Суареса, не просто являющихся яркими представителями своей эпохи, но и интеллектуалами, которые во многом повлияли на формирование и развитие политико-правовых идей Т Гоббса, Дж. Локка и их последователей.

Ф. Суарес в своих трактатах «О законах», «Защита католической веры против английской секты» и «О войне» поднимал важные социально-философские проблемы, с которыми столкнулось общество его времени. Более того, он один из первых сделал теоретическое обоснование политико-правовых доктрин, которые и сегодня пользуются авторитетом и находят свою поддержку населения большинства развитых стран: теория общественного договора, концепция двух прав (право народов и естественное право), концепция необязательности двусмысленных законов (пробабилизм) [10, с. 229].

Применительно к разработке теории общественного договора Суарес отмечает, что образование государства происходит через передачу (отчуждение) власти народом определенному лицу, однако при условии заключения с ним «своеобразного договора». Данный договор понимается Суаресом не в историческом, но в формальном смысле: «гражданская власть предоставляется Богом непосредственно людям, составляющим совершенного города или политического содружества; этот дар значит, что власть дается не отдельной личности или какой-то группе, а народу в целом или содружеству, как социальному организму» [11, с. 76].

Как и многие его последователи, Ф. Суарес видит в общественном договоре

некоторую идеальную политико-правовую конструкцию. Примечательно другое. В истории Суарес не выделяет так называемого «догосударственного периода», то есть того отрезка времени, когда люди пребывали без отношений, укладывающихся в бинарную оппозицию «господство–подчинение», и без определенных правил, закрепленных на высшем уровне и регулирующих социальные отношения по сферам жизнедеятельности. Резонно полагать, что власть и законы как витальные атрибуты любого государства де факто всегда сопровождают человека. Основываясь на приведенном тезисе, Суарес считает, что гражданская власть стара как человек. Людям, сущность которых раскрывается и через их определение в качестве «общественных животных», не мыслима жизнь без определенных законов и харизматичного лидера [10, с. 202-203].

В философии Суареса ярко выражена абсолютизация государства, которое представляется испанскому мыслителю «совершенным содружеством». Отсюда вполне очевидна принадлежность Суареса к сторонникам органической теории генезиса государства, в самом общем виде понимающих под этим супер институтом некоторое «целое», которое состоит из множества различных групп и других образований. Как правило, интерпретация социально-философской концепции Суареса позволяет установить, что совершенное (человеческое) содружество представляется лишь частью системы таких содружеств [9, с. 298]. Сделаем два замечания. Во-первых, таким содружеством, которое однозначно обобщает другие, является «человечество», поскольку к нему относятся все люди без исключения, так как являются разумными существами. Во-вторых, при переходе к интересующим нас политико-правовым содружествам Суарес дихотомически разделяет их на два вида — «человеческие» и «церковные» [3, с. 18].

Ф. Суарес во многом детерминирует социально-философские идеи Г. Гроция, характеризуя «право народов» в качестве «универсального» и, таким образом, признаваемого всеми народами, тем самым распространяя сферу действия его норм на все государства, которые обязуются придерживаться его актуальных положений во внешних отношениях. Функциональное назначение права народов заключалось в обеспечении сотрудничества, общего блага, правопорядка. С помощью норм этого права, по мнению Ф. Суареса, государства должны оказывать помощь друг другу, находиться в состоянии мира и справедливости, которое является необходимым для общего благосостояния. Здесь отчетливо прослеживаются контуры формирования современного нам международного сотрудничества, так как именно в Новое время взаимопомощь, мир и справедливость возводятся в статус основных ценностей [10, с. 227].

Выяснение сущности права народов находится у него в прямой зависимости от естественного права, в частности в их сравнении. Ф. Суарес выделяет в праве народов ряд фундаментальных принципов. Его положения не являются тождественным и основам естественного права, поскольку эти принципы «написаны в сердце», а максимы права народов являются результатом добровольного волеизъявления граждан.

В праве народов, по мнению Ф. Суареса, отсутствуют необходимые предписания относительно правомерного поведения, поскольку он считает логичным отнести их к сущностной характеристике естественного права — в чем можно усмотреть еще одно основание для разграничения права народов и права естественного. Стоит обратить внимание, что подобные противоречия не имели место, например, в Дигестах Юстиниана, где естественное право называется именно «правом народов». Однако налицо предостережение о необходимости отображение в принципах права народов справедливости, иначе оно теряет юридическую силу, выполнение его предписаний становится невозможным [10, с. 232].

Еще одним ключевым моментом в разграничении сущности двух разновидностей права суаресовская характеристика естественного права как необходимого, а права народов как желаемого. Желательность и необходимость

как качественные критерии связываются с распространенным утверждением о регулярном обсуждении и согласовании постулатов права народови несменяемости и постоянства норм естественного права ввиду их четко очерченного универсального функционала для любого индивида [11, с.71]. В частности, внесение изменений в право народов происходит с учетом мнения государств, усматривающих актуальность введения тех или иных норм в зависимости от вызовов времени. В свою очередь взгляды Суареса относительно неизменяемости положений естественного права существенно детерминированы схоластикой, поскольку для него непосредственным источником выступает Бог, что априори задает им некоторое «сверхъестественное происхождение» без учета воли людей [9, с. 92]. К настоящему времени уже вполне очевидно, что нормы права народов образуются не столько собственно сознательным умом, сколько с помощью несознательного обычая, в чем усматривается их отличие, например, от объективируемых письменно постулатов гражданского права.

Невзирая на отчетливую дифференциацию в определении Ф. Суаресом права народов и естественного права, отметим и тот факт, что между ними существует вполне очевидная взаимосвязь. В первую очередь это касается так называемой гармонии между нормами обоих видов права, согласовывающихся между собой во многих отношениях. Далее следует уточнить, что их общим источником,так или иначе, выступает естественный разум. Еще одним аспектом их общности будет являться аудитория, на которую они распространяются — это все живущее человечество [11, с. 72].

Видное место в суаресовской концепции права народов занимает идея содружества народов «sodetas gentium», содержание которой детерминируется морально-этическими ценностями. Относительно этого испанский мыслитель утверждает, что основа права народов заключается в стремлениях человечества сохранить единство (независимо от того, из какого количества народов и государств состоит), причем не только как собственно человеческих существ, но и с учетом морального единства. Последнее основывается на принципах любви, милосердия, которые должны касаться всех без исключения людей, в том числе и иностранцев [11, с. 73]. Право народов в контексте sodetas gentium имеет любопытное содержание: суверенное государство в определенном смысле рассматривается как часть человечества, или член содружества народов. Однако Ф. Суарес не говорит о федерации, поскольку в таком случае высока вероятность возникновения необходимости в каком-нибудь «дополнительном праве народов», которое в свою очередь осуществляло бы правовую регламентацию взаимоотношений и между такими формами государств.

Более того, право народов рассматривается Ф. Суаресом как промежуточная форма права между естественным и позитивным правом, что позволяет определить его в качестве некоторого «дополнения». Вполне вероятно, что создание принципов права народов при участии человечества в целом или подавляющего большинства народов путем волеизъявления означает движение к позитивному (общечеловеческому) праву [11, с. 70].

Еще одной темой, заслуживающей упоминания, является весьма ощутимый вклад Суареса в развитие идей о самоопределении народов, которое он предлагал основывать на базовых принципах естественного права, что позволило бы увеличить объем прав народов вплоть до соответствия фундаментальным идеалистическим принципам. Кроме этого, испанский интеллектуал произвел разработку теоретико-правовых принципов равенства женщин (право на участие в политической жизни) и обосновал и дополнил теорию неотъемлемых прав человека (право на жизнь, на равенство, на независимость) [11, с. 74]. Следовательно, идейное наследие Ф. Суареса характеризуется прогрессивностью взглядов относительно других мыслителей позднего Средневековья и Ренессанса. Де факто его взгляды во многом опережали свое время — и именно преобладание рациональности, а также вектор осуществления социальных преобразований позволяет маркировать

их вполне ощутимыми идейными предпосылками политико-правовых концепций Нового времени.

Другой представитель позднего Ренессанса, находящийся, по мнению автора, на одной интеллектуальной платформе с Суаресом, французский мыслитель Жан Боден, рассматривал в большей степени вопросы политики, права, государства и его суверенитета, а также формирования гражданского общества. В работе «Метод легкого изучения истории» он подчеркивает целесообразность систематизации всех законодательных структур наиболее успешно функционирующих государств, после чего при помощи компаративного анализа выделить среди них лучшую форму [2, с. 4].

Французский интеллектуал подчеркивает, что главным для обществ и государств являются так называемые «контекстуальные» знания о них. Они могут быть получены исключительно посредством «адресных исследований» абсолютно различных особенностей (по Бодену — это географические, но мы расширяем его взгляды через следование собственной методологии), а также последующих описаний опыта организации властных структур в каждом конкретном государстве путем применения этих знаний. Здесь стоит указать, что Боден определял возможности познания культуры, политики, права исходя из привычек и территориальных условий проживания разных народов. Именно усвоение истории и географии всех государств позволит узнать не только повседневные дела народов, но поможет понять успех, которого они достигли при помощи организации власти с учетом, например, ресурсов, интеллектуального превосходства и технико-технологического развития [2, с. 24].

В другой работе («Шесть книг о республике») Боден дает определение государству, которое, на наш взгляд, выстраивается на некоторой общности при организации жизни. Так, под «государством» понимается вариант справедливого управления многими семьями, осуществляемый суверенной властью [1, с. 144]. Воля конкретного носителя верховной власти выступает как безусловная — и поэтому независима от подданных; она единственная в противоположность множеству других форм ее проявления, следовательно, не предусматривает многомерность общественных отношений и их влияния на принятие важных собственных решений. Примечательно, что воля суверена не распространяется лишь на законы Бога и природы, которым априори подчиняются все земные государи [5, с. 121].

Отсюда вполне закономерен вопрос: «А что же еще составляет природу государства»? Прежде всего, можно говорить, что боденовское государство представляет собой автономную сферу бытия людей, тем самым утверждая идею свободы человека в рамках превалирования любой картины мира. Более того, рассматриваемый супер институт представлен Боденом с приматом социально-исторического компонента, что в определенной степени указывает и на его трансцендентную ценность. Однако последняя сила проявляется в ситуациях, напрямую связанных с сохранением суверенитета, когда государством выполняются функции по обеспечению безопасности и согласованию интересов, позволяющих создать справедливый правопорядок для населения. В связи с этим в работе «Идейные основания нововременных политико-правовых институтов» акцентируем внимание на том, что волю образующих государство семей Боден определяет не иначе, как «доски, которые скреплены вместе и формируют корабль — государство. Когда же хоть одна доска отпадает, кораблю угрожает гибель» [5, с. 121]. Приведем свою интерпретацию указанной боденовской метафоры: «без реализации частных интересов домовладельцев не существует властной сферы, политики и права, где можно утверждать общее благосостояние и справедливость» [5, с. 121].

Далее Ж. Боден обосновывает и развивает тезис, что сущность государства может быть понята через суверенность. Однако суверенитет, согласно боденовским убеждениям, не тождественен собственно суверенитету самого государства. В качестве субъектов суверенитета он выделяет

конкретных носителей власти (знать, монарх, народ), классифицируя на этом же основании возможные формы государственного правления (аристократия, монархия, демократия).

Применительно к этому он отмечает, что суверенитет — это «абсолютная и постоянная власть государства, которую римляне называли Majestatem (величие); Итальянцы — cegnorsia, — слово, которое они употребляют как по отношению к частным лицам, так и к тем, кто руководит государственными делами; то есть наивысшей властью распоряжается» [1, с. 144]. Мы полагаем, что именно наличие верховной власти и прав на ее реализацию отличает государство от всех других возможных групп, позволяя достаточно просто определить гражданство через «подданство суверену».

Без суверенитета, как считает французский философ, не произошла бы трансформация от потестарных форм в сторону первых государств, которые можно считать проявлением единственного целого, способного жить собственной «исторической» жизнью. Следовательно, суверенитет выражает принцип свободы создания таких общностей и базируется на возведенном к метафизическому статусу императиве касаемо разумной организации государственных форм и последующего осуществления интеллектуального управления ими («Raison d'Etat») [5]. Боден отстаивает идею суверенного государства, видя в нем инструмент, который способен защищать права человека и гражданина, а также воплощать передовые принципы мирного сосуществования различных социальных и властных сил внутри страны, а также на международной арене. Здесь мы связываем его политико-правовые взгляды с закономерной и практически всецелой «усталостью» Европы от средневековых феодальных государств, их раздробленностью, переходящей по наследству и не всегда внятной по объему полномочий властью королей и мелких князей, социальным бесправием и различными кризисами и напряжениями среди тех или иных групп населения и т.д. [4].Таким образом, в своем суверенном государстве Боден видит «универсальное противопоставление», рецепт от перечисленных негативных тенденций социального развития. Логично и убедительно выглядят предлагаемые им основные атрибуты власти для суверенного государства: постоянство верховной власти и ее абсолютный характер, единство и неделимость — все это способно обеспечить такие законы, которые станут единственными и равными для всех.

Очевидно, что среди выделенных им форм государственного правления наибольший приоритет отдается наследственной монархии, как максимально соответствующей перечисленным характеристикам власти. Суверенитет становится центральным элементом сущности государства, который в свою очередь является для нас очередным аргументом при определении его статуса как «супер института». Теперь государство вполне правомерно может быть поставлено выше других социальных образований: группировок, городов, религиозных обществ, которые имеют право следовать собственным не общеобязательным и не получившим официального (государственного) закрепления нормам, правилам и социальным регуляторам, а также местные обычаи, включая язык и веру. Теперь никакая сила не выдержит конкурентное противостояние с государственной властью.

Продолжая освещение темы законов в социальной философии Бодена, обратимся к диссертации Н.М. Усманова, отмечающего, они являются производными от государственной власти, вследствие чего не могут ограничивать власть монарха. Уже отмеченный нами ранее абсолютный характер власти подразумевает, что ее носитель вправе распоряжаться ею по своему усмотрению и даже передавать полный объем своих полномочий другим лицам. Разумеется, суверенитет абсолютной власти превозносит ее выше всяких других норм, высвечивая ее «сверхзаконный» характер [7, с. 36-37].

Как мы видим, идейный стержень боденовский социальной философии, подтверждающий, к слову, наш взгляд на синкретизм

политики и права, укладывается не в сторону только лишь политического или правопорядка, но указывает на их диалог, образуя некий политико-правовой порядок, основа которого, вне сомнения, фундируется институтами [6, с. 36—38]. Только эффективное функционирование политико-правовых институтов как «обеспечивающих структур», на которые возлагаются повышенные ожидания, создадут и гарантируют порядок (главным образом, мирное сосуществование различных социальных групп) при условии грамотно планируемых и осуществляемых по «инженерному методу» преобразованиях. Действительно, можно согласиться с французским мыслителем, что для уставшей от Средних веков Европы абсолютная монархия, замыкающая всю политическую власть на себя и используя «сильное право», выглядела наилучшим способом перехода к социально-экономическому прогрессу. А для этого требовалось как можно скорее прекратить гражданские коллизии и учредить желаемое мирное существование индивидов [8, с. 163].

Итак, несмотря на присутствие в их взглядах пережитков схоластики, и Ф. Суарес, и Ж. Боден внесли значительный вклад в разработку современной политико-правовой проблематики своими выдающимися социально-философскими теориями. Идеи данных интеллектуалов во многом определили курс будущих социальных преобразований, поскольку в них уже начинают проявляться прагматические аспекты, которые реально направляли Европу на преодоление оторванных от реальности спекуляций и отмеченных негативных тенденций. Общественный договор и абсолютная монархия — вот два основных положения, идейный транзит которых обнаруживается у выдающихся мыслителей Нового времени. В этот же период обнаруживаются современные сегодняшним реалиям первообразы политико-правовых институциональных форм, когда Европы начинает пронизываться капиталистическими отношениями.

Между тем, именно Ф. Суарес и Ж. Боден задают своими идеями фундамент последующего определения результативности в части становления и функционирования различных властных институтов, что однозначно задает императив уточнить и конкретизировать содержания результатов их мыслительной деятельности. В заключение хотелось бы отметить, что только комплексное освещение идейных рецепций и транзитов позволит определитьроль и значение интеллектуальных конструктов, которые в последние десятилетия представляет значимую философскую проблему не только в теоретическом, но и прикладном аспекте. Прежде всего, социально-философский поиск позволяет выявить возможности и варианты создания и преобразования эффективно функционирующей институциональной среды как структуры, обеспечивающей социальный порядок и прогрессивный путь общественного развития. Практическая польза идейно ориентированных исследований позволяет субъектам власти достигать цели по построению государств желаемого типа, что и обуславливает одновременную злободневность и перспективность раскрытия содержания идейных модификаций и конфигураций.

Литература:

1. Антология мировой философии: в 4-х т. М.: Мысль, 1969—1972. Т. 36: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. 1970. 776 с. (Философское наследие: ФН).
2. ***Боден Ж.*** Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. 412 с.
3. ***Журавлев О.В.*** Идеология испанской империи и государственно-правовое учение Суареса // Verbum. СПб.: Изд-во СПбГУ: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества. Вып. 1: Франсиско Суарес и европейская культура XVI-XVII веков. 1999. С. 14—25.
4. ***Полуда О.Н.*** Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2017. № 2 (115). С. 22—27.
5. ***Равочкин Н.Н.*** Идейные основания нововременных политико-правовых институтов: монография / Под общей ред. д-ра филос. наук, доц. М. П. Яценко. Воронеж: Научное издательство Гусевых, 2019. 217 с.
6. ***Равочкин Н.Н.*** Синкретизм политики и права в институциональном проявлении: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. Кемерово: Кузбасская государственная

сельскохозяйственная академия, 2018. № 6(103). С. 35—39.

7. ***Усманов Н.М.*** Власть и право: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2003. 22 с.

8. ***Федорова М.М.*** Суверенитет как политико-философская категория современности // Философский журнал. М.: Институт философии РАН, 2009. № 1(2). С. 154—164.

9. ***Хюбнер К.*** Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон, 2001. 400 с.

10. ***Macedo P.E.*** The Law of Nations in Francisco Suárez // Catholic and Reformed Traditions in International Law. Studies in the History of Law and Justice. 2017. Vol. 9. P. 183—243. https://doi.org/10.1007/978-3-319-59403-3_5

11. ***Wilenius R.*** The social and political theory of Francisco Suarez. Helsinki, 1963. 129 p.

Поступила 06.01.2020

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), *nickravochkin@mail.ru*

References

1. Antologija mirovoj filosofii: v 4-h t. M.: Mysl', 1969—1972. T. 36: Evropejskaja filosofija ot jepohi Vozrozhdenija po jepohu Prosveshhenija. 1970. 776 s. (Filosofskoe nasledie: FN).

2. Boden Zh. Metod legkogo poznanija istorii. M.: Nauka, 2000. 412 s.

3. Zhuravlev O.V. Ideologija ispanskoj imperii i gosudarstvenno-pravovoe uchenie Suaresa (Ideology of the Spanish empire and the state legal doctrine of Suarez) // Verbum. SPb.: Izd-vo SPbGU: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshhestva. Vyp. 1: Fransisko Suares i evropejskaja kul'tura XVI-XVII vekov. 1999. S. 14—25.

4. Poluda O.N. Teoreticheskie osnovy koncepcii gosudarstvennogo suvereniteta Zh. Bodena (Theoretical basis of the concept of state sovereignty j. Boden) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija, 2017. № 2 (115). S. 22—27.

5. Ravochkin N.N. Idejnye osnovanija novovremennyh politiko-pravovyh institutov: monografija / Pod obshhej red. d-ra filos. nauk, doc. M. P. Jacenko. Voronezh: Nauchnoe izdatel'stvo Gusevyh, 2019. 217 s.

6. Ravochkin N.N. Sinkretizm politiki i prava v institucional'nom projavlenii: social'no-filosofskij analiz (Syncretism of politics and law in institutional manifestation: a socio-philosophical analysis) // Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. Kemerovo: Kuzbasskaja gosudarstvennaja sel'skohozjajstvennaja akademija, 2018. № 6(103). S. 35—39.

7. Usmanov N.M. Vlast' i pravo: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Kazan. gos. un-t. Kazan', 2003. 22 s.

8. Fedorova M.M. Suverenitet kak politiko-filosofskaja kategorija sovremennosti (Sovereignty as a Political Philosophic Category of Modern Times) // Filosofskij zhurnal. M.: Institut filosofii RAN, 2009. № 1(2). S. 154—164.

9. Hjubner K. Nacija: ot zabvenija k vozrozhdeniju. M.: Kanon, 2001. 400 s.

10. Macedo P.E. The Law of Nations in Francisco Suárez // Catholic and Reformed Traditions in International Law. Studies in the History of Law and Justice. 2017. Vol. 9. R. 183—243. https://doi.org/10.1007/978-3-319-59403-3_5

11. Wilenius R. The social and political theory of Francisco Suarez. Helsinki, 1963. 129 r.

Submitted 06.01.2020

Ravochkin Nikita N., PhD in Philosophy, Associate Professor at Department of Humanitarian and Legal Disciplines, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia), *nickravochkin@mail.ru*